Арина Ларина
Жизнь
после свадьбы
Романтическая
комедия

Арина Ларина

Жизнь после свадьбы

текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6666051
Арина Ларина. Жизнь после свадьбы: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-70085-1

Аннотация

Их роман развивался стремительно. Казалось, еще вчера Светлана случайно облила незнакомого парня колой, а сегодня она уже в свадебном путешествии! Да-да-да, они с Герой поженились, собрались жить долго и счастливо. Но муженек среди бела дня пропал из отеля! Тут же вокруг Светы образовалось много добровольных помощников. И среди них особенно активным был некий Алексей, рыженький…

Арина Ларина
Жизнь после свадьбы

Дверь кабинета бесцеремонно распахнулась, и по свежевымытому линолеуму, оставляя возмутительно грязные следы, прошлёпала странного вида дама. Лет ей было то ли сорок, то ли пятьдесят, а может – и все семьдесят.

– Не буду я напяливать ваши бахилы, – тут же выдала она, хотя никто и слова не успел сказать.

Светлана лишь вежливо улыбнулась, изобразив, что очень рада визиту. Она второй год работала окулистом в этом небольшом медицинском центре и уже с первых дней усвоила: клиент всегда прав. Даже если он с приветом и вот в такой дикой шляпке.

А шляпка у пациентки была выдающаяся. Мало того что физиономию занавешивала плотная, устрашающих размеров вуаль с омерзительными атласными розочками по периметру, так ещё и сам головной убор по форме сильно смахивал на ночной горшок, в который воткнули все мыслимые виды искусственных кладбищенских цветов. Венчало конструкцию перо. Из этого всего легко можно было сделать вывод о том, что в первую очередь даме нужно заглянуть к психиатру. Хотя, если рассуждать логически, возможно, у неё действительно серьёзные проблемы со зрением, и именно по этой причине тётка была не в курсе, что у неё на голове.

Это «воронье гнездо» по степени экспрессии и эпатажности даже затмевало кофту с рюшечками и ажурным воротничком, заправленную в кожаные байкерские брюки. Какая у мадам была обувь, Света разглядеть не успела, поскольку визитёрша решительно взгромоздилась на стул, вплотную придвинувшись к столу.

– У меня проблемы, – весомо и коротко выдала она.

Судя по карточке, звали носительницу проблем Ивановой Верой Степановной. Имя как имя. И в жизни в голову не придёт, что обладательница столь приличного и невыдающегося имени может выглядеть так неожиданно. Особенно учитывая 1946 год рождения.

Слегка подавшись вперёд, Света продемонстрировала готовность выслушать, понять и помочь. А что ей ещё оставалось делать?

– Я не вижу, – снова многозначительно заявила дама. – И не просто не вижу, а не вижу определённых вещей. Крайне необходимых.

– Давайте я задам вам несколько вопросов, – начала было Светлана, пододвинув к себе карточку, но ничего у неё не вышло.

– Нет, это я буду задавать вопросы. – Вера Степановна лихим жестом закинула свою вуаль-занавеску на шляпку, предъявив миру сухонькое личико с внушительным носом и глазками-буравчиками – хитрыми и неожиданно доброжелательными.

Опешив, Света моргнула и тоскливо посмотрела на дверь. Психиатр у них не принимал, охранника не было – только тревожная кнопка и видеокамера в регистратуре, поэтому, если что, справляться придётся самой. Прецеденты уже были. Главное в таких случаях – не провоцировать клиента, который, как уже говорилось, всегда прав. Даже если он на приеме поёт песни, пляшет или играет на докторских нервах. До сих пор самым запоминающимся в практике Светланы был дед, решивший проверить профессиональный уровень сотрудников и их общую подготовку. В первый раз он изобразил у Светы в кабинете приступ эпилепсии, сожрав какую-то шипучую таблетку и весьма талантливо забившись на полу. Она тогда едва не сломала затейнику зубы, по инструкции впихивая между ними ложечку. Дед страшно обиделся и долго строчил жалобы. А через полгода заскучавший пенсионер устроил новое представление, ворвавшись в клинику с чулком на голове и потрясая деревянной кухонной толкушкой с криками: «У меня граната, конец вам, капиталисты!» Ушёл он крайне недо-

вольный подготовкой сотрудников, которые не смогли «дать достойный отпор террористической атаке». Регистраторша Анжела, во время эксперимента с визгом рухнувшая на пол и сильно ударившаяся всем своим тщедушным телом, потом выпила все запасы пустырника и потребовала отгул.

И вот теперь, настороженно разглядывая эпатажную бабульку, Света судорожно прикидывала, чего ждать. Пенсионеров она вполне объяснимо опасалась. Дело в том, что, помимо работы в этом маленьком коммерческом медцентре, Светлана Михайловна Улановская имела счастье трудиться офтальмологом в районной поликлинике. А там основной контингент – именно пенсионеры. Да ещё какие! Это полные сил и жажды деятельности граждане нашей страны, оккупировавшие медучреждение и превратившие его в клуб по интересам. Они и ходили-то не столько на приём, сколько пообщаться в коридоре, поругать вороватую власть, врачей-недоучек, обнаглевшую молодёжь и, чего уж там, – поругаться между собой. С призывным воплем «Вас здесь не стояло» они с наслаждением втягивались в многоголосые свары, бились за справедливость и уходили домой с чувством выполненного долга.

Но если в поликлинике, переступив порог кабинета, пациенты становились приторно-вежливыми, то в платной медицине всё было с точностью до наоборот. Врач клиентам представлялся этакой грушей для битья без права голоса. Иногда Светлане казалось, что некоторые платили за приём именно с целью самоутвердиться, подзарядиться чужой энергией (как любила комментировать её рассказы про работу мама) и отбыть восвояси с чувством глубокого удовлетворения.

…Вуалька сползла, ощутимо царапнув зазевавшуюся Веру Степановну по длинному носу.

– Вот зараза, – весьма беззлобно отреагировала мадам и лёгким движением, сильно похожим на затрещину самой себе, сбросила шляпку на стол, жизнерадостно расхохотавшись. – Так вот, милочка! Я не вижу нормальных женщин вокруг себя. Только хищные, жадные развращённые самки, которые так и норовят запрыгнуть в постель, чтобы присосаться к кошельку!

За окном, словно раненый слон, проревела пожарная машина. Света вздрогнула и посмотрела на дырокол. Это был единственный предмет, которым можно было обороняться. В крайнем случае. Хотя, если Веру Степановну не злить, то, возможно, она выговорится и уйдёт, унеся свой старческий маразм. Надо же, женщины к ней в постель прыгают! Гадость какая. Не дай бог дожить до такого возраста, чтобы нести подобную околесицу.

– Так вы ко мне записались, потому что плохо видите? – Света попыталась вернуть посетительницу в реальность.

Но та, вдохновенно раскрасневшись, уже блестела глазками-бусинками и, словно в трансе, вещала про отвратительную молодёжь. Время приема было ограничено, поэтому Светлана, выждав несколько минут, перебила обличительницу:

– Я пока не очень понимаю, чем именно я могу вам помочь. То есть я бы с радостью, но вы же не видите не в буквальном смысле, а в фигуральном, да? А это не мой вопрос…

– Ваш! – Вера Степановна неожиданно ткнула в её сторону сухим, узловатым пальцем, сделав выпад, словно мушкетёр со шпагой. Света пугливо шарахнулась, стукнувшись затылком о шкаф и криво улыбнувшись. – Вы мне понравились. Но это только первое впечатление. Я к вам давно приглядываюсь и должна сказать, что у вас, деточка, есть шанс.

– Какой? – уже довольно сухо поинтересовалась Светлана. Бабка ей надоела. И никакие деньги не стоили таких унижений. Не хватало ещё, чтобы какие-то старухи делали ей непристойные предложения. Или что она там хочет? Поломойкой её взять? Или компаньонкой? А при чём тут тогда кровать?

– Стать нашей девушкой, – торжественно объявила Вера Степановна. Таким тоном можно сообщить, что вы выиграли миллион, но вот чтобы «стать девушкой», да ещё «нашей»…

– Давайте глазки проверим, – елейным голоском предложила Света, проигнорировав услышанную чушь. А про себя снова подумала, что лучше бабушке проверить го ловку.

– Давайте не будем терять время на ерунду, – оборвала её пациентка. – Вы согласны?

– Нет, – лучезарно улыбнулась Света.

Уж что-что, а улыбаться она умела. Хотя Светлане всегда казалось, что зубы у неё крупноваты, и собственная улыбка казалась несовершенной, но окружающих она по неизвестной причине просто очаровывала. Мама всегда говорила, что дело лишь в Светиных комплексах. Дожив до двадцати семи лет, получив хорошее образование и нормальную профессию, дочь продолжала чувствовать себя неуклюжим подростком, стесняться и жить с ощущением, что на небесах при раздаче бонусов её обделили красотой, дав двойную порцию мозгов. А мозги, фигурально выражаясь, они как шоколад: в меру – вкусно, слишком много – сплошные проблемы в виде прыщей, аллергии и лишнего веса. Конечно, прыщей и лишнего веса у Светланы не было, но избыток ума жить мешал капитально. Всем известно, что мужчины умных и проницательных женщин побаиваются, а сами умные и проницательные шибко много видят и знают, потому и живут в дисгармонии с миром и окружающими. Наверное, назвать Свету красавицей было сложно, но она, без сомнения, была миловидной и интересной: стройной, светловолосой, большеглазой, с чуть полноватыми для её фигуры ножками и россыпью бледных веснушек на лице.

«Приятной» – как говорила мама.

«Среднестатистической» – поправляла её Светлана.

– …Вы просто не понимаете, от чего отказываетесь. – Вера Степановна даже встала, опасно нависнув над столом. – Лёвушке вы тоже нравитесь, хотя это не показатель. Ему нравятся все подряд. Но он хороший мальчик, поэтому в наш дом войдет только та девочка, которая приглянется не только ему, но и мне! Вы – позитивная. Для начала этого достаточно. Собирайтесь, поедем. Я должна познакомить вас с Молли – это наша такса. С возрастом у неё испортился характер, но если вы с ней поладите, мы вас точно берем.

– Одну минуту, – Света прервала поток бабкиного красноречия, проворно вскочила и, обежав стол, выскользнула в коридор. На УЗИ сегодня принимал Игнат Павлович, здоровенный дядька, по габаритам напоминавший шкаф. Он умел очаровывать выживших из ума пациенток, а в крайнем случае мог их же выдворить из центра. Светлана была уверена, что настал момент для его выхода, так как других вариантов у неё просто не было.

Пробежав по узкому коридорчику, она уперлась в стойку регистратуры и остолбенела. На столе, кокетливо выставив в проход коленки, заливисто хихикала Анжела. Рядом с ней, блестя толстыми губами, глазами и лысиной, топтался розовощёкий толстячок неопределенного возраста. Увидев Свету, он испуганно ойкнул и зачем-то одернул на Анжеле халатик, попытавшись прикрыть её коленки.

– Лёвочка, держи ее! – взвыла выскочившая следом за Светой Вера Степановна.

Вероятно, Лёвочка в этой семье исполнял роль вменяемого и адекватного, поскольку держать никого не стал, а лишь виновато развел толстыми лапами, мол, вот такая у нас мамаша, уж извините.

На шум подтянулся и Игнат Павлович. Не вдаваясь в подробности, он, напористо воркуя, уволок мигом разомлевшую пациентку в свой кабинет, а Анжела взяла на себя несостоявшегося жениха.

– Дурдом, – констатировала Света, вернулась в кабинет и заперла дверь изнутри. Лишь после этого она позволила себе беззвучно расхохотаться.

Иногда родители, желая своим детям счастья, слегка двигаются на этой почве рассудком и ведут себя совершенно неприлично, достигая прямо противоположного результата. Светина мама тоже до дрожи желала увидеть дочь замужем. Но, надо отдать должное Александре Александровне, женихов она так нахраписто не залавливала. Она лишь тихо мечтала и изредка робко намекала дочери, что пора бы уж хоть кого-то завести. Сама мама давным-давно была в разводе и очень этим тяготилась.

– Одинокая женщина противоестественна, – втолковывала она легкомысленной Светлане. – Это как лес без грибов, как собака без хвоста или как швабра без ручки. Тебя жалеют, тебе сочувствуют, тебя обсуждают – потому что когда дома имеется свой паразит, то только тем и можно себя утешить, что у кого-то вовсе никакого нет. Человеческая психология такова, что люди бьют друг друга по самому больному месту.

– У меня это не больное место, – терпеливо напоминала Света, которой подобные разговоры порядком надоели. – И вообще, ты что, тоже хочешь иметь дома «своего паразита»? Зачем он нам?

– В семье должен быть мужчина, как ты не понимаешь? Мебель подвинуть, гвоздь забить, кран починить! – гнула свое мама.

– Ради устранения мелких неполадок заводить какое-то чучело не вижу смысла! – упиралась Светлана.

Эти разговоры повторялись с завидной периодичностью, а в последнее время ещё и с пугающей частотой. Мамуля отчего-то решила, что у Светы подходит критический возраст и замуж нужно не выходить, а просто-таки выбегать.

Светлане же это казалось несусветной глупостью.

Не далее как сегодня, после такого же полоскания мозгов за завтраком, она вышла на лестницу и услышала диалог соседей снизу. Они были женаты лет пять и производили впечатление гармоничной пары, как любила говорить мама. Так вот эта «гармоничная пара», Таня с Максимом, так чудовищно собачилась, что Светлана пугливо затихла, застеснявшись показываться им на глаза. Пусть думают, что никто этого кошмара не слышал.

– Падла! Всё настроение испортил, – заорала Таня, видимо, продолжая какую-то начатую ещё дома тему.

– Чтоб тебе пусто было, выдра! – рявкнул в ответ Максим, грохнув дверью так, что у Светы под ногами дрогнул пол. – Ковыляй пешком, я тебя не повезу!

Он с топотом сбежал по лестнице. Судя по звуку, вслед соседу полетело что-то увесистое, с тяжелым звуком бухнувшееся на ступеньки и прокувыркавшееся вниз.

Вот вам и семейная жизнь. И так у большей половины женатого человечества. Это даже хуже, чем пустить в дом навязчивую и беспардонную родню из какого-нибудь Кукуевска. Тех хоть можно рано или поздно выпереть с родной жилплощади, а с мужем эту площадь ещё и при разводе делить придётся. Да с мужиками вообще жить невозможно. Нет, конечно, если вдруг случится любовь…

Дверь кабинета содрогнулась от мощного натиска, прервав Светланины мысли о мужьях и связанном с ними дискомфорте. Она тревожно затихла: вдруг ненормальная обладательница шляпки вернулась и снова будет её вербовать в невестки?

– Улановская! – пробасили за дверью. – Я знаю, ты там! Пусти хорошего человека, а он тебе пирожка за это даст!

– Лялька! – с облегчением выдохнула зашуганная докторша и бросилась отпирать замок.

Нелли Гольдберг все и всегда звали Лялей. И была она всем Лялям Ляля – высоченная, пышная голубоглазая блондинка с такими ямочками на щеках, что ее, несмотря на солидный

возраст, так и хотелось за эти щёки ущипнуть. Ляли всегда было много: помимо гарабитов, барышня обладала очень громким голосом. Но от мадемуазель Гольдберг позитив исходил столь мощными волнами, что не любить её было нельзя. Когда вокруг серость, тоска и мелкие неприятности, жалящие психику, как мошкара на болоте, только генератор хорошего настроения в лице Ляли мог удерживать на плаву.

– А чего у вас тишина такая? Померли все? – доброжелательно поинтересовалась подруга, с шумом вваливаясь в кабинет.

– А что, никого нет? – Света удивлённо выглянула в коридор. Там и правда было пусто.

– Никто не хочет работать, даже ты, Улановская! А ведь такая была хорошая, правильная девочка, – хохотнула Гольдберг, по-хозяйски шаря в Светином столе. – А печеньки есть?

– Ты ж на диете, – ехидно напомнила Светлана, выуживая из сумки шоколадку.

– Какая ты бестактная, – Неля вздохнула и умильно глянула на шоколад. – По шли чай пить, а то у меня организм калорий просит. Надоели эти диеты, нет от них толка, один вред здоровью. И стресс для моей нежной психики. Главное, для чего это все? Чтобы понравиться какому-то мужику? Да пусть любит меня натуральную! Мужчина, который требует от женщины жертв, – не пригодный для семейной жизни эгоист. А они все такие – эгоисты. Так что, Улановская, давай жить в гармонии с собой и с природой: жрать, что хочется, одеваться, во что нравится, чесать, где чешется, и тогда мы помрем счастливыми.

– Давай, – покладисто согласилась Света, выпихивая подругу из помещения. – Пошли, чайник будем ставить и сплетничать.

– А я ж не просто так пришла-то, – вдруг всполошилась Ляля. – Я тебя в кафе хочу пригласить.

– С чего вдруг? – изумилась Светлана. – Есть повод?

– Нету повода, – пригорюнилась Ляля. – Но твой вопрос меня убедил в том, что я права. Вот как мы с тобой живем?

– Нормально? – предположила Света.

– Скучно, – рявкнула подруга. – Уныло и однообразно. Дом-работа, работа-дом. Где драйв? Где эмоции? Где смысл бытия?

– Такими вопросами начинают задаваться алкоголики на начальном этапе болезни, – хмыкнула Светлана. – Ой, погоди, иди без меня пока, я шоколадку забыла!

– Улановская, вот, маразм уже не за горами, склероз на подходе, – обрадовалась Ляля. – А вспомнить-то и нечего.

– Не ори, – шикнула Света. – У нас тут клиника, а не…

– Ой, простите, мадам, забылась я. Зубы мне не заговаривай, я чай без шоколадки пить не буду, – напомнила Ляля. – Давай, шевелись! А потом я изложу тебе свой план.

Когда Света пришла в ординаторскую, Ляля уже вовсю кокетничала с Игнатом Павловичем.

Хотя Гольдберг в медцентре не работала, да и врачом не была, здесь она сразу же стала своей. Даже раньше, чем своей стала Света. Однажды Ляля пришла к гинекологу и, нимало не смущаясь ситуации вообще и собственной позы в частности, помимо получения необходимых медуслуг, умудрилась сосватать на работу «отличного офтальмолога, руки золотые, характер ангельский, специалиста с большой буквы».

– Нечего стесняться и отлынивать, – ворчала она, волоча на первое собеседование слегка упиравшуюся Свету. – Живешь рядом, поликлиника твоя тоже в двух шагах, грех не устроиться на вторую работу! В своей поликлинике столько получаешь, что давно могла бы сообразить и напрячься на поиск дополнительного заработка. Скажи спасибо, что у тебя есть я. Теперь у тебя будет две зарплаты и достойная жизнь, насколько это возможно в нашем сомнительном государстве.

С тех пор Света в медцентре работала, а Гольдберг по дороге с работы заруливала и пила там чай со всеми по очереди. Она, как и Светлана, была девушкой одинокой, бездетной и скучающей по вечерам.

– …Если дома тебя вечером никто не ждёт, то и нечего туда идти, – заявила она, едва Света вошла в ординаторскую. – Логично?

– Не очень. – Светлана стеснялась общаться на такие темы при посторонних. А Лялька никогда ничего не стеснялась. И почему-то в её исполнении все выглядело естественно. – Меня мама ждёт.

– Это не считается. Я имела в виду другое. Раз у тебя нет мужа, ты – свободная и счастливая женщина. Ты свободна от обязательств и можешь делать, что хочешь. Вот ты сегодня чего хочешь? Хочешь молодецкого загула с мальчиками? Мы можем пойти на мужской стриптиз!

Игнат Павлович восхищённо пожирал Ляльку глазами. Как супруг, сыгравший серебряную свадьбу, и отец троих детей, он, безусловно, ценил таких девушек, как Неля.

Это был ещё один довод в пользу того, чтобы никогда не выходить замуж. Вот так выйдешь, нарожаешь ему наследников, а он будет поить чаем какую-нибудь блондинку и облизываться!

– Не пойду на стриптиз, – наотрез отказалась Света. – Я устала и домой хочу.

– Ты как бабка старая, – расстроилась Лялька. – Ну, разве можно так бездарно тратить вечера, когда тебе ещё нет тридцати? Надо жить и дышать полной грудью!

– Да, – подобострастно вякнул узист и предложил: – А поедемте ко мне! У меня есть отличное французское вино.

Ляля с интересом сфокусировалась на Игнате Павловиче, но Светлана вредным голосом напомнила:

– У него там ещё жена и дети к вину прилагаются.

– Вечно ты всё портишь, – сокрушённо вздохнул несостоявшийся кавалер. – Я не совсем к себе приглашал. Ладно, секретничайте тут, а я пойду, поработаю.

– Шикарный мужик, – констатировала Нелли Гольдберг, когда двери за доктором закрылись. – Но с балластом, да. А для веселья нужен свободный и лёгкий на подъем.

– Вот так выйдешь когда-нибудь замуж, а какая-нибудь наглая блондинка, положившая глаз на твоего супружника, обзовёт тебя балластом, – мрачно буркнула Света.

– Я замуж не выйду, я принципиальная холостячка, – фыркнула Ляля. – Если только у меня вдруг случится неземная любовь, тогда ещё подумаю.

– Нет никакой неземной, есть только земная, которую все рано или поздно с чем-то путают и сдуру портят себе жизнь. – Света отхлебнула горячего чая и покосилась на подругу. Та морщила лоб, сосредоточенно формулируя мысль. – Ляль, ты сейчас возразить хочешь или поддержать?

– Сама не знаю, – расхохоталась Нелли. – Пошли просто в кафе. Или в кино. Чего дома-то киснуть?

– Ну, пошли, – неуверенно согласилась Света. Она не умела долго упираться, особенно под Лялькиным натиском.

Если б Светлана только знала, что из этого в итоге выйдет…

Пошли они не в кафе, а в кино. На какую-то комедию для американцев. В том смысле, что по сюжету явно должно было быть смешно, но юмор был уж больно плоским, и смеяться категорически не хотелось. Свете было невозможно скучно. А когда ей становилось скучно, то тут же выяснялось, что ноги стоят неудобно, попа плющится тоже некомфортно, и руки

деть куда-то надо, а ещё чешется глаз, ухо и до одурения хочется шевелиться, хотя это и неприлично.

– Что ты елозишь? – не выдержала Лялька. Ей как раз фильм очень даже нравился, и она периодически басовито заливалась хохотом. – Шилопопая ты моя!

– В туалет хочу, – наконец идентифицировала свои тягостные ощущения Света и начала пробираться к выходу.

Тот, кто хоть раз полз в темном зале вдоль зрителей, знает, чем это может закончиться. Народу было мало, но если день с самого утра не задался, то ничто не убережёт вас от какой-нибудь особенной пакости на его исходе.

– Ой, девушка! – раздался раздражённый голос откуда-то снизу, что-то булькнуло, хрустнуло, и Светлана с ужасом поняла, что кого-то чем-то облила. И это что-то сейчас плеснуло на её правое колено. Отлично!

– Простите, как неудобно, извините, – залепетала она, мысленно проклиная и Ляльку, и американскую киноиндустрию, и свою дурацкую покладистость, от которой были одни неприятности. Вот надо было ей в это кино по морозу тащиться! – Я сейчас вытру!

И выхватив из кармана бумажные носовые платки, Света начала усердно шарить в темноте.

– Гера, что у тебя там? – раздался ещё один довольно заинтересованный мужской голос. – Что ты вяжешься к девушке? Неужели не понятно, что она шла в уголок задумчивости, ей сейчас не до тебя. Вот пойдёт обратно, тогда и будешь её клеить.

Судя по тону, обладатель голоса, как и авторы фильма, тоже был убежден в своем остроумии. Ему, вероятно, казалось, что это ужасно смешно.

– Девушка, – прошипел пострадавший, – перестаньте хватать меня за штаны, их бесполезно вытирать – их сушить надо! Я весь мокрый! Дайте мне встать.

– Вах, не донесла, – снова неудачно сострил второй голос. Возня на соседнем кресле его занимала явно больше, чем комедия на экране.

Сзади зашикали.

«Можно подумать, приличные люди при шли в оперный театр! Шикают ещё…» – раздражённо подумала Света про себя, а вслух извинилась и потащилась вслед за жертвой к выходу.

«Чёрт бы побрал тех, кто придумал продавать в кинотеатрах колу!»

Судя по размерам бедствия, до Светланиного демарша у парня было полведра газировки. По светло-голубым джинсам разлилось отвратительного цвета пятно, даже не пятно, а пятнище. Судя по колеру, сухим остался только ремень и штанины ниже колен.

– Мда, – протянула Светлана и нахмурилась. – Давайте я оплачу вам химчистку. Или, хотите, дайте мне, я постираю и верну.

– Хочу, – совершенно серьезно кивнул облитый. – Сейчас, стяну портки, повеселя вас трусами в горошек, и пойду домой, согреваемый шерстью на коленках.

– Вы шутите?

– Нет, я абсолютно серьёзен. Как и вы, – он вдруг улыбнулся и добавил: – Гера.

– Что «Гера»? – не поняла Светлана, заторможенно сообразив, какую чушь только что предложила. Ладно бы от смущения, так ведь нет! Просто её так разозлил фильм, что даже стыдно особо не было – она чувствовала только раздражение и неловкость от того, что устроила неприятности незнакомому человеку. Сидела бы сейчас дома с мамой, чай пила, вопли какие-нибудь смотрела: мама любила всякие ток-шоу с разборками, когда все на всех орали, было ничего не разобрать, и только жуткие, перекошенные злобой лица обозначали общее направление балагана. Александра Александровна в такие моменты говорила, что нужно ценить спокойную, мирную жизнь, когда нет вот такой родни или знакомых, с которыми нужно насмерть сцепляться перед миллионами телезрителей, вываливая всё грязное белье.

Светлана эти разборки терпеть не могла, но сейчас следовало признать, что просмотр телешоу был бы гораздо менее дискомфортным, чем весёлый вечер, который ей устроила Лялька.

– Гера – это мое имя, – парень сунул руки в мокрые карманы и подсказал: – А вас как зовут?

– Света меня зовут, – пробормотала Светлана. – Что со штанами будем делать? Я просто не знаю, сколько сейчас стоит химчистка, я обычно сама все стираю…

– Наверное, вы очень хозяйственная, – предположил Гера. – Может, вы ещё и пирожки печете?

– Издеваетесь? – вспылила Светлана.

– А что, похоже на то? – изумился собеседник. – Вообще-то я думал, что хвалю вас, но, видимо, ошибся.

– Да, ошибся, я не хозяйственная, – буркнула Света. – Давайте разрулим нашу проблему и разойдёмся, а то мы так весь фильм будем тут препираться.

– Да фильм ерундовый был, – легкомысленно вынес вердикт Гера. – Пойдемте в кафе. Я приглашаю. Мне надо высохнуть, а сохнуть в одиночестве мне неохота. Скрасьте мой вечер, раз уж так вышло. И будем квиты.

– В каком смысле «скрасьте вечер»? – напряглась Светлана, заподозрив, что её за испорченные джинсы хотят заставить расплатиться натурой.

– Поужинайте со мной, – хмыкнул новый знакомый. – Света, я по лицу вижу, что вы подумали. Я ничего такого в виду не имел!

– А я ничего такого и не подумала!

– Вот и отлично. Пойдёмте. – Гера дружелюбно улыбнулся. – Здесь есть чудесное кафе. Тем более что на улицу мне все равно в ближайший час не выйти – я себе все отморожу, – с этими словами он галантно, но крепко взял Светлану под руку и повлек за собой.

К середине ужина Света решила, что парень скорее симпатичный, чем нет, а к концу – что он просто прелесть.

Гера был обаятелен, как киноактер из каких-нибудь «Сумерек». В том смысле, что у него была удивительная харизма и внешность любимца девушек. Именно девушек, а не дам, так как дамы, исходя из жизненного опыта, предпочитают крепких парней с мускулами, мощной шеей и другими зрелыми достоинствами. А девушки любят принцев – утончённых, с глазами как у Бэмби и детской улыбкой. Вот и ясноглазый, с нежной кожей и белоснежной улыбкой Гера выглядел, как голливудская звезда. Его сложно было назвать красивым, но обаятельным – да, безусловно.

Во всяком случае, Свету он обаял до такой степени, что она не только дала свой телефон, но и полночи мечтала чёрт знает о чём, совсем как недозрелая гимназистка.

Утром она опоздала на работу.

– Тебя Нелли искала, – с порога сообщила ей зевающая Анжела. – Там что-то срочное. У неё такой голос был…

Тут регистраторша блеснула глазками и с сорочьим любопытством уставилась на Свету. Видимо, надеялась на какую-нибудь сплетню.

– Ёлки-палки! – хлопнула себя по лбу Света и полезла в сумку. Мобильник был выключен. Разумеется, как и всякая добропорядочная барышня, она ещё перед началом сеанса его вырубила. А знакомство с Герой лишило её последних мозгов, поэтому аппарат Светлана так и не включила. Можно себе представить, что сейчас ей скажет брошенная в темноте кинозала Лялька.

– Лялечка, прости! – взвыла Света, едва подругино «аллё» прервало длинные гудки. – Сама не знаю, как так вышло!

– Ну, как?! – с придыханием охнула Гольдберг и взволнованно засопела.

– Что «как»? – смутилась Света. Реакция была неожиданной. По идее, Ляля должна была рвать и метать.

– Кавалер как? Оправдал надежды? – хмыкнула Ляля. – Я вас в кафе видела. Я ж, когда ты пропала, попёрлась тебя искать, споткнулась об его друга, потом мы вместе решили вам не мешать.

– Как тактично с вашей стороны, – пробормотала Светлана. – А друг как? Оправдал что-нибудь?

– Кто? Этот шпендель? Да он мне по плечо! А я мелких мужиков не люблю, они на моем фоне неприлично смотрятся. Как и я – на их. Я даже не стала спрашивать, как его зовут. Еле отвязалась. Ну куда я с таким пойду? Даже ты ржать будешь.

– Не, я воспитанная, я не буду, – хихикнула Света.

– Не хихикай там, – строго потребовала подруга, – а рассказывай. Я должна знать подробности. Раз уж я одна домой ковыляла. Как он в смысле секса?

– Лялька, ты сдурела? – гаркнула Света. – Я его впервые видела. И вообще: я просто облила мужика колой…

– И это правильно! – Неля удовлетворённо крякнула. – Мне он не очень…

– Чего это? По-моему, он очень даже симпатичный, – неожиданно обиделась за Геру Светлана.

– О, и этим всё сказано, – расхохоталась Ляля. – То есть у истории будет продолжение? В принципе – я не против.

– Тебя забыла спросить, – огрызнулась Света и тут же решила уточнить волновавший её вопрос: – Так почему он тебе «не очень»?

– Улановская! Я уже говорила – не люблю мелких. И некрупных тоже не люблю. Мужика должно быть много – вширь, ввысь и вообще. А твой какой-то субтильный, смазливый и совершенно киношно-прилизанный. Какой-то пай-мальчик с кучей комплексов или плейбой с бабскими замашками.

– Это ты очертила примерный диапазон? – оскорбилась Света. – Он, между прочим, умный, эрудированный и вообще – приятный собеседник! Я сто лет с нормальными мужиками не разговаривала! И не просто с нормальными, а с интеллигентными! И чтобы при этом от них не несло дешёвым парфюмом, потом или столовкой!

– Не разговаривала она, – проворчала Ляля. – Просто у тебя секса сто лет не было, вот ты и радуешься любой ерунде. Вот какая у него машина?

– Никакая! Мы пешком гуляли и разговаривали! И это было замечательно! – выпалила Света.

– Что ты орешь? – фыркнула подруга. – Можно подумать, ты воплями меня в чём-то переубедишь. Да чтоб ты знала, Улановская, машина для мужика – это вторичный половой признак. Это свидетельство самостоятельности, мобильности и самодостаточности. Мужик без машины, это как козёл без рогов. Или как слон без хобота! Вроде и мужик, а вроде и не совсем полноценный. И вообще, он какой-то непредставительный у тебя. Шейка тонкая, щёчки розовые, реснички длинные – картинка лубочная. Аккуратненький, хорошенький – тьфу.

– Тебе завидно, – резюмировала Света.

– Нет, мне обидно, что ты не нашла ничего лучше, – наставительно загудела Ляля. – Понимаешь, мужчина – это как… ну, не знаю… Как сумочка! Вот сначала берёшь и хочешь, чтобы была просто удобная и подходила к туфлям. И ерунда, что купила ты её в переходе за копеечные деньги. Но потом вдруг выясняется, что тебе надо в приличное место. И всё! До тебя доходит, что с этой сумочкой туда идти неприлично, потому что все сразу увидят, что это дешёвка! И плевать, что она удобная и под цвет обуви. Она некачественная – и этим

всё сказано. Так и мужика надо подбирать такого, чтобы с ним можно было пойти в любое место: хоть на рынок, хоть на приём, хоть на встречу одноклассников.

– Ляля, я с ним просто сходила в кафе, – ахнула Света. – Что ты теории свои тут разводишь опять?

– Кого ты пытаешься обмануть, дурища? – Лялька театрально вздохнула. – Да ты за него заступаешься, как за мать родную! Всё, влипла ты. Неожиданно и безнадёжно это всё. В том смысле, что потеряна ты для общества, Улановская!

– Глупости, – пробормотала Света. – Мы просто пообщались.

– И даже телефончик он не взял, а ты теперь звонка не ждешь, – подытожила Ляля, демонически хохотнув. – Да?

Светлана красноречиво промолчала. Да, телефон Гера взял. И да – звонка она по чему-то ждала.

– Ты не подумай, что мне завидно, – предостерегла её подруга. – Просто как-то неуютно стало. Вроде и порадоваться за тебя не могу, потому что кавалер твой не в моём вкусе. И дискомфортно, что ты при мужике, а я без. Это как на нудистском пляже. Когда все голые, то и тебе без трусов вроде нормально. Но когда вдруг народ резко исподнее натягивает, а ты так и остаёшься сверкать филейной частью, то происходит сдвиг в системе твоих координат, и голый зад перестает быть в порядке вещей. Но это всё равно не зависть, а беспокойство.

– Давай мы и тебе кого-нибудь найдём, – опрометчиво предложила Света.

– У меня этих «кого-нибудь» пруд пруди, – вздохнула Ляля. – Да только не нужны они мне, я замуж не хочу. И мне было бы спокойнее, если бы и ты не хотела.

– Не мели ерунды, – в сердцах буркнула Светлана. – Что ты меня сватаешь-то раньше времени. Дикость какая! С чего ты это всё напридумывала?

– Опыт, деточка, – голосом умудрённой жизнью Бабы-яги проскрипела вредная Гольдберг. – И интуиция. Всё, пока. Держи меня в курсе.

Света бросила телефон в сумочку и поняла, что щёки у неё пылают. Так волнительно ей не было давным-давно. Адреналин пузырился в крови и шумел в ушах учащённым пульсом. И это было скорее хорошо, чем плохо. Похоже, Лялька была права. Случилось что-то невероятное. Эта дурацкая любовь, которую придумывали в книгах и кино, была на самом деле. В этом не было никакого сомнения.

– Что у нас с лицом? – в кабинет заглянула Елена Кришпель, задрав на лоб сурьмленные брови. Её коротко стриженные блондинистые волосы топорщились перпендикулярно голове, придавая всему облику вид крайне взбаламученный и даже слегка сумасшедший. Учитывая то, что у самой Елены с лицом были о-го-го какие проблемы, вопрос звучал крайне нелепо.

Елена Сергеевна Кришпель работала здесь же урологом. Профессия наложила неизгладимый отпечаток на её характер, а посему мадам Кришпель была не в меру циничной, острой на язык, грубоватой дамой. Ей давно перевалило за пятьдесят. Несмотря на то что Елена Сергеевна сама была медиком и много чего знала, жизненный опыт и соответствующее образование не помешали ей с увлечением экспериментировать над внешностью с помощью пластических хирургов. Она была уверена, что с каждым разом становится всё моложе и моложе. Как и многие другие, не желающие стареть дамы, Елена считала, что лучше натянутое на затылок лицо и губы-вареники, чем морщины и прочие свидетельства неумолимого возраста. Морщины у неё всё равно имелись, зато мимика пропала практически начисто. В дополнение ко всему вышеописанному, ростом доктор Кришпель была под два метра. В общем – видная женщина. В клинике её уважали и побаивались. Называть Кришпель по отчеству было категорически запрещено, так как это, по мнению Елены Сергеевны, её компрометировало и выдавало возраст.

– Здрасьте, Леночка! А что у вас за помада? Цвет обалденный! – перевела разговор Света. Обсуждать свою личную жизнь со столь прожжённой дамой она не отважилась.

– Зубы заговариваешь, – понимающе кивнула Кришпель. Тяжёлые серьги, оттягивавшие её мощные уши, осуждающе качнулись. – Я с этой помадой уже вторую неделю хожу, так что – незачёт. Влюбилась?

– Нет, что вы, – испугалась Света. Похоже, влюблённые люди становятся более уязвимыми, а трепетное чувство, столь старательно скрываемое от чужих глаз, так и лезет наружу, словно ватин из старого пальто.

– Все беды – от мужиков, – многозначительно оповестила её Кришпель. По тону было ясно, что Светлане она не поверила. – Вот племянница моя: и умница, и красавица, а не везёт в жизни. Потому что сестра вышла замуж неудачно. Муж – он для чего нужен? Чтобы содержать, чтобы уровень жизни нормальный обеспечить, чтобы дети ни в чём не нуждались. А теперь живут друг у друга на голове в крохотной двушке, да ещё вместе со свекровью – и собачатся круглые сутки. Девочке даже не привести никого к себе. И вот только сейчас, на старости лет, этот плешивый мачо что-то такое придумал. Вроде собираются разъезжаться. Так ведь у сеструхи-то моей жизнь прошла! Вот, кстати, это я у них на даче. Нет, я понимаю, что тебе скучно, но ты просто глянь для общего развития, чтобы знать, как жить нельзя. И дачу никогда не покупай. Если только коттедж со всеми удобствами. А грядки – это огородное рабство. Ни толку, ни пользы от них нет. Одна грязь под ногтями, спина больная и разговоры про удобрение.

Тут Елена Сергеевна сунула Свете под нос мобильник с фотографиями. Там на фоне какого-то косого сарая с заплатами из разнокалиберных досок позировала девица в па наме.

– Это племяшечка моя, – с любовью погладила пальцем экран Елена. – Модель!

У модели из-под панамы виднелся лишь массивный подбородок и нос рубильником, точь-в-точь как у мадам Кришпель.

– А сзади неё – дом, – продолжала уролог. – И вот в этом бараке они живут, называя это «поехали на дачу»! И все почему? Потому что влюбилась сестра моя не в того мужчину. И себе всё испортила, и девочку мучает.

– Это да, – неопределенно вякнула Светлана. Ей не было дела ни до семейства чужих родственников, ни до их дачи, но обижать Елену Сергеевну не хотелось.

Чужими семейными проблемами Света никогда не интересовалась. Люди жили странно, непонятно, иногда необъяснимо, но это было их личное дело. Она собственными ушами слышала, как однажды Кришпель орала на свою драгоценную «племяшечку» по телефону. Голос у уролога был, как у прораба, она запросто могла переорать работающий бульдозер. Так что народ был в курсе, что «денег в долг она не даст никому, даже сама себе». Но это не мешало Елене Сергеевне любить родственников и даже иногда их хвалить.

А сейчас же Кришпель неожиданно резюмировала свое выступление так:

– Не влюбляйся в бедного. Нет в шалаше никакого рая. Только сквозняки и комары. Рай – во дворце. Всё остальное – гормоны и адреналин, это временный всплеск, реакция организма, как сопли. Сопли пройдут, а муж останется. Ладно, пошли работать, хватит кофе пить. Это вредно.

Уже через пару секунд зычный бас Елены Сергеевны гудел в коридоре.

Мимоходом подумав, что работать тоже вредно, Светлана вздохнула и посмотрела на часы.

Гера не звонил.

Вот так. А эти все уже её чуть ли замуж не выдали.

Замуж Светлана не рвалась. Это не было ни целью, ни самоцелью, ни навязчивой идеей. Иногда только мама раздражала разговорами на эту тему и тихонько покалывало где-

то в груди: время уходит, а словно чего-то не хватает, будто не успела что-то сделать, а что именно – не совсем понятно.

Потянулась череда пациентов. В основном это были пенсионеры. Как и в районной поликлинике. А ещё говорили, что у пенсионеров денег нет. Посетители в бюджетной клинике и в этом вылизанном по европейским стандартам медцентре почти не отличались друг от друга. Иногда Света начинала думать, что выбрала не ту работу. Нет, дело своё она любила, но ведь ездит же кто-то по миру, в командировки, на переговоры, занимается чем-то интересным. Кто-то и вовсе работает с артистами, певцами, организовывает концерты, кто-то снимает кино или участвует в съёмках сам. Да мало ли интересных профессий есть на земле! Археолог, например, или геолог! Да тренинг-менеджер, на худой конец! А что она видит? Бесконечную череду очкариков, медицинские карты, коридоры, белые халаты… Годы уходят, жизнь наматывается тонкой нитью на бобину судьбы, уж скоро и кончик этой нитки может показаться, а всё ничего не происходит. Наверное, правильно говорят: каждый человек – творец своей судьбы. Только у Светланы не получалось творить.

…Он позвонил, когда Свету уже совсем захлестнуло отчаяние. Она даже не ожидала, что может так ждать звонка от почти не знакомого человека. От мужчины, которого облила колой. И с которым несколько часов болтала ни о чём и обо всем сразу.

Гера пригласил кататься на снегоходах. Это была какая-то новая жизнь – совершенно другая, неожиданная и яркая. Такая, какую показывают в кино, про которую шушукаются скучные домохозяйки, лишённые драйва. И Светлана стала частью этого острого, щекочущего нервы мира, полного новых ощущений и впечатлений.

– Гера – это Герасим, что ли? – недовольно спросила Лялька, растянувшись в ординаторской на диване, как Даная, с той лишь разницей, что Даная была не совсем одета, а задубевшая на морозе Гольдберг была не совсем раздета – она так замёрзла, что возлежала в расстёгнутом пуховике и никак не решалась его снять. Игнат Павлович сделал ей горячий чай с лимоном и теперь восхищённо поглядывал на мощные Лялькины ляжки, втиснутые в джинсы. – Я Тургенева читала, не подходит ему это имя.

Светлана, которая в паспорт к кавалеру не заглядывала и довольствовалась выданным ей именем «Гера», озадачилась.

– Чего сразу Герасим-то? А если и так, то очень оригинально.

– Тут надо учитывать, что оригинален в данном случае не он, а его родители, которые, не будем исключать возможные риски, могут стать членами твоей семьи. А чужие родители – это такое дело…

– Да-да, – неожиданно поддержал Ляльку Игнат Павлович и опечалился, вспомнив что-то своё. У него даже уголки губ опустились, а брови сошлись в грустный «домик».

– Вот, – обрадовалась поддержке Гольдберг. – Чем родители проще, тем лучше. И чем дальше, тем тоже лучше. Вот они где живут?

– Лялька, ты совсем уже? Да какая разница? Я не спрашивала даже. Надо будет, сам скажет, – начала раздражаться Света. – Предугадывая твои следующие вопросы, могу сказать, что фамилию я тоже не спрашивала, адресом не интересовалась и характеристику с места работы не требовала.

– Улановская, твоя беспечность возмутительна, – ухмыльнулась Ляля и с шумом хлебнула чаю. – Фу, горячий какой. Я аж язык ошпарила. В смысле, спасибо, Игнат Павлович, очень вкусно. М-да… Так вот, Светик, чтоб ты знала, аферисты именно так и втираются в доверие. Общаешься-общаешься, а потом у тебя квартиру обнесли, а ты сидишь в полиции и понимаешь, какой была дурой: ни одной зацепки для доблестных органов правопорядка.

– Не завидуй, это неприлично, – буркнула Света. – И не трогай Геру, я хоть жить начала впервые за почти тридцать лет. Что я раньше видела? Ничего! Сидела, как клуша, ждала чего-то. А сейчас я за месяц целую жизнь прожила. Я теперь и на коньках умею кататься, и на лыжах попробовала – с горы! На слаломных! И на ватрушках каталась. Это с ума сойти, что такое!

– Вот, разоралась, – проворчала Ляля. – А я из-за твоего Геры одна теперь сижу скучаю. Но, вынуждена признать, у тебя, Улановская, глаз горит и румянец появился. Похорошела ты невообразимо. Наверное, надо и мне влюбиться. Так ведь не в кого.

Тут Игнат Павлович выразительно заво зился в углу.

– У меня такие требования высокие, – завуалированно осадила его Ляля, – что получится только переспать в лучшем случае, а вот так, чтобы как у тебя – с искрой в глазах, это как лотерею выиграть: классно, но маловероятно. Он кем хоть работает-то?

Этого Светлана тоже не знала, а потому снова густо покраснела и решила непременно выяснить подробности, поскольку можно было не сомневаться, что мама будет спрашивать всё то же самое.

Жизнь похожа на реку. Казалось, вот только что ты плыл по течению медленно и размеренно, и пейзаж по берегам тянулся весьма однообразно, и вдруг – водоворот, крутой изгиб – и стремительный поток уносит тебя вперёд, не давая перевести дух.

– Как же так, как же? – причитала Александра Александровна, нервно комкая в руках кухонное полотенце. – Почему так внезапно?

– Мам, ты ж сама хотела, – хмурилась Света. Ей и самой иногда казалось, что события развиваются уж больно стремительно. А с другой стороны – почему нет? Вон в кино за одну серию несколько поколений сменяют друг друга, и ничего. Конечно, то в кино – а тут жизнь. Подумаешь, всего два месяца знакомы! Да она уже в первый день поняла, что это её судьба. И Гера тоже понял. Любовь – это чувство на уровне интуиции и флюидов, и логика вкупе с общепринятыми правилами не имеет к ней никакого отношения.

– Я хотела, хотела, – потерянно бормотала мама, – но как-то неожиданно всё. Мы ж его совсем не знаем…

Знакомство мамы с Герой получилось каким-то сумбурным. Да и предшествовавшее ему объяснение тоже размеренностью и обстоятельностью не отличалось.

В тот день Гера ворвался к Светлане на работу, странно взбудораженный, с огромным букетом белых роз. Света уже одевалась, но встретиться они договаривались на остановке. Гера почему-то не дотерпел.

– Нам надо поговорить! – Он быстро поцеловал Свету, сунул в руки букет и скованно отступил к стене. – Это очень серьезный разговор, мне бы не хотелось, чтобы нам помешали.

Света пожала плечами и послушно заперла двери.

– В кафе не пойдем? – уточнила она на всякий случай, чтобы разрядить напряжённую тишину. Она настолько прониклась серьёзностью момента, что даже руки затряслись. А ещё – завибрировали коленки, и в животе что-то тоскливо простонало.

– Пойдём, но поговорить я хочу здесь. Пожалуйста. – Гера умоляюще хлопнул глазами и откинул чёлку. Волосы у него были густые и шелковистые, Света так любила запускать в них пальцы и перебирать ими… Гера вообще был весь какой-то аккуратный, ладный и такой изумительный, что нет-нет, да и закрадывалась у Светланы опасная мыслишка: а не слишком ли он для неё хорош? Так думать было очень опасно, но мысли – они такие своевольные, рождаются сами по себе, не спрашивая хозяйского мнения.

– Да, пожалуйста. – Света осторожно кашлянула, голос предательски подсел.

– Я ведь говорил, что люблю тебя? – аккуратно начал Гера.

Наверное, вопрос был риторическим, поэтому Света лишь кивнула, а Гера уже смелее продолжал дальше:

– Нам вместе хорошо, у нас полное взаимопонимание, общность интересов…

Это было уже что-то скучное, как технические характеристики телевизора или холодильника. Вот стоишь ты в магазине, деньги в кармане нащупываешь, по цене и прочим необходимым параметрам уже определился, а консультант все равно вдалбливает необходимую информацию, потому что так поло жено.

– …Мне дают грант, не сейчас, но в ближайшее время, это уже вопрос решённый, и я должен поехать в Америку, ненадолго, но это важно, – тем временем донеслось до Светы. Видимо, она на нервной почве выключилась и что-то пропустила. Испугавшись, Света встрепенулась и стала слушать внимательнее. Как любая девушка, под формулировкой «серьёзный разговор» она заподозрила два варианта: «нам надо расстаться» и «нам надо пожениться». Пока ни того, ни другого из выступления не следовало. Хотя нет, Америка – это уже неприятно, это похоже на «расстаться»…

– Света, я бы не стал так торопить события, так как это важнейшее событие в жизни. И вообще, я бы не хотел показаться легкомысленным в столь важном деле. – Гера был весь красный, даже шея у него порозовела, а тонкие пальцы, казалось, сейчас и вовсе завяжутся в узел. – Но время поджимает…

Гера никогда не говорил так муторно и витиевато. Света и сама уже взмокла от переживаний и даже дышала с трудом. Ей было страшно услышать что-то такое, что перевернёт её жизнь или вовсе сломает.

– Выходи за меня замуж, – выпалил Гера и внезапно замолчал, хлопнув длинными ресницами.

– Что? – пискнула Светлана. Ей отчего-то показалось, что она ослышалась. Или в сказанном есть ещё какой-то смысл. Но если быть честной перед самой собой, она просто испугалась. Это было действительно крайне неожиданно. Одно дело встречаться, любить друг друга, жить полной жизнью, как часто повторяла Лялька, но вот чтобы замуж! Как-то очень внезапно и… и она не готова. Да! Она не готова! Но разве можно такое говорить Гере? Вон он как переживает. Это ж его оскорбит, обидит. Он, может, вообще сейчас убежит и больше никогда не вернётся.

– А кольцо? – брякнула Светлана первое, что пришло ей в голову. В книгах и фильмах мужчина после таких слов всегда дарил кольцо невесты. Лет с пятнадцати Света начала страшно переживать, как же ей отличить кольцо невесты от просто кольца. Вот сидит она, например, в ресторане, напротив кавалер. Достаёт он из кармана коробочку, в ней кольцо. И?.. И что? Спрашивать, что ли: ты мне это просто так даришь или замуж зовёшь? Как вообще эти невесты понимают, что это именно кольцо невесты, а не обычный подарок? К слову сказать, за двадцать семь лет ей никто не то что кольцо невесты, а даже просто кольцо не подарил. Вероятно, поэтому в стрессовой ситуации Светлана и озвучила эту глупость.

– Кольцо я куплю, – с облегчением выдохнул Гера. – Просто так неожиданно всё получилось, мне на работе только что объявили, я сразу к тебе, вот… Я так рад!

И как, скажите на милость, после его «я так рад» говорить, что ей надо подумать?! Вроде получалось, что Светлана уже ответила.

В кафе они не пошли, а поехали к маме – знакомиться. С Герой Светлана настолько привыкла ко всяким неожиданным предложениям и стремительной смене декораций, что как-то и с мыслью о замужестве смирилась быстро. По дороге к дому девушка нашла в предстоящих переменах массу плюсов и ни одного минуса.

Кратко ситуация выглядела следующим образом. Гера, работавший архитектором в довольно серьезной строительной организации, был приглашён на консультацию куда-то в

штат Мичиган, где планировался долгоиграющий совместный проект. Но ехать туда могли только женатые специа листы.

– Я бы все равно сделал тебе предложение, просто эта поездка ускорила ход событий, – тут же пояснил Гера, заметив, как Света напряглась.

Еще бы ей не напрягаться! Где ж тут романтика? Какой-то фиктивный брак получается. Но маме об этом говорить не следовало.

– …А как быть со свадьбой? – причитала Александра Александровна. Гера ей не понравился. Он был щуплый, чересчур красивый и какой-то несолидный. Да и вообще – чужой. Вот если бы сын Эльвиры Леонидовны, которого, к сожалению, Светочка забраковала, тогда другое дело, а тут какой-то неизвестный ухарь со стороны. – Как же ресторан, гости, платье?

– Мы хотим просто расписаться, мам, – терпеливо объясняла Света. – Безо всяких тюлей и кружавчиков, без пьянки и лишних трат. У нас с деньгами сейчас не очень. И все эти мещанские обычаи – глупость несусветная.

Тут она душой слегка покривила, потому что платье хотелось. И гостей, и машину с куклой на капоте, и быть самой-самой, чтобы все смотрели. В конце концов, свадьба – это единственный раз в жизни, когда девушка бесспорно и безоговорочно считается самой красивой. Мало на свете женщин, которые хотя бы однажды не мечтают побыть принцессой. Но если лишних денег на все это нет, то можно придумать доводы для успокоения совести. В конце концов, не в обрядах счастье.

Так сказал Гера. И спорить с этим было бы глупо.

– Я, конечно, девушка прогрессивных взглядов, – вполне ожидаемо возмутилась Ляля, – но тут я бы тоже предпочла по старинке. Я так понимаю, что и меня ты не позовёшь, да? И захомутать свидетеля мне тоже не судьба? Какое гадство.

– Ляль, погоди, я про это не подумала. Свидетели, наверное, нужны. Они ж расписываются где-то, – нахмурила лоб Света. На свадьбе она была всего пару раз в жизни, и воспоминания о формальной стороне вопроса остались весьма смутные.

– А родители? – не унималась Гольдберг. – А где вы жить будете? И вообще, какая-то мутная история.

– Сама ты мутная! – вспылила Света. – Жить будем в Гериной квартире. Родителей у него нет, Гера сирота!

– Говорю же, мутная, – гнула свою линию подруга. – Квартира есть, родителей нет. Ты паспорт его видела? Может, он вообще гражданин Молдавии? И женится, чтобы гражданство заполучить?

– Я сейчас обижусь, – засопела Света. – Мне твои подколы надоели. Я и так вся на нервах! Видела я паспорт, мы же заявление подавать ездили!

– Всё равно – глупость какая-то. Что, у вас до такой степени нет денег, что даже гостей не позвать? И не пытайся врать, я знаю, что это не так! – гудела Ляля. – Как это так можно, расписаться, и всё! Да не по-людски это. Как бомжи, честное слово!

– Лялька, сейчас свадьба нормальная пол-лимона стоит! Глупо на это тратиться, – тягостно оправдывалась Света. – Мы решили в свадебное путешествие съездить, это в разы дешевле, зато запомнится на всю жизнь!

Если бы Света только знала, насколько пророческими были её слова…

Любая девушка с детства мечтает о свадьбе. Но вовсе не важно, как именно она её себе представляет. Важно, что в итоге кто-то вовсе остается без свадьбы и мужа, кто-то довольствуется штампом в паспорте и номинальным торжеством, и лишь у единиц получается настоящий праздник-сказка.

Света давным-давно перестала мечтать о празднике. Она, как мы уже выяснили, и замуж-то не хотела. Но жизнь, как водится, внесла коррективы. Можно планировать что угодно, давать окружающим умные советы, выражать на всяких форумах нелицеприятное мнение по поводу мещанских обычаев, но в итоге напороться на ту же проблему, что и большинство.

Мероприятием Светлана осталась недовольна. Да и как такового никакого мероприятия и не было. Единственным торжественным моментом оказалась длинная речь регистраторши, декламировавшей стихи и вещавшей про «семейную лодку». Лялька напряжённо сопела, свидетель, любитель субтильных девушек, о чем он в первые же минуты знакомства проинформировал пространство, тосковал, Гера одухотворённо улыбался и гладил Светину руку. А самой невесте жали туфли и больше всего хотелось сесть и вытянуть ноги. Вместо платья у неё был костюм, вместо ресторана – кафе, вместо лимузина – такси. Кольцо Гера купил, как и обещал. Наверное, оно было дорогим, а может быть, и нет. В любом случае необратимые изменения в Светиной жизни произошли молниеносно, оставив смутное чувство неудовлетворённости и разочарования.

И лишь поездка из ещё не пришедшего в себя после зимы города к тёплому морю могла что-то исправить.

Все формальности и материальную сторону вопроса Гера взял на себя. Для Светы это оказалось ужасно непривычно и… приятно. Мама её была не приспособленной к жизни фиалкой, поэтому до сих пор все серьёзные вопросы отдавались на откуп Свете. Она была в их маленькой семье за мужика. И тут вдруг оказалось, что это чертовски здорово, когда от тебя требуется лишь собрать чемодан. И то – только свой.

По дороге в аэропорт Света впервые почувствовала весёлое возбуждение, как ребенок, предвкушающий приход Деда Мороза. Она страшно обрадовалась, поскольку ждала от организма хоть какой-то реакции на судьбоносное событие. Но ни на свадьбе, ни даже наутро после брачной ночи ничего такого не было – словно жизнь шла своим чередом, перетекая из одного однообразного дня в другой. У молодой жены даже появилась опасная мыслишка: а не ошибка ли эта свадьба? Одно дело встречаться и даже спать вместе, а другое – нестись в ЗАГС под давлением какого-то маячившего на горизонте гранта.

…Света сидела в такси вместе со своим мужем. Ночной город пролетал за окнами, а в груди Светы медленно разбухала неуемная радость: она едет к морю, а там непременно будет праздник, приключение, а после всего этого – солнечные, сказочные воспоминания. И пусть на свадебное путешествие отводилось всего десять дней (больше Светлане не дали на работе), зато эти дни – её!

Аэропорт шумел, как осиное гнездо, в которое ткнули палкой. Суетились женщины с детьми, нервно одергивая своих расшалившихся отпрысков, молодцевато вышагивали уже принявшие на грудь мужчины, щебетали юные барышни, сверкавшие преждевременно оголёнными частями тела и косившие глазками на потенциальных кавалеров, обнимались парочки, нервничали в преддверии таможни пенсионеры. Гера читал книжку, продвигаясь в очереди и периодически подволакивая за собой оба чемодана.

– Гера, смотри, наверное, тоже молодожёны, – с намёком ткнула его заскучавшая Света. Ей очень хотелось удержать в себе весело пузырившуюся радость, которая медленно, но верно начинала улетучиваться.

Конечно, её муж был чрезвычайно интересным, эрудированным, интеллигентным, красивым – да можно было бесконечно перечислять его достоинства, но вот романтики в нём не имелось ни грамма. То есть Гера искренне старался что-то такое изобразить, но получалось так нелепо, что они оба покатывались со смеху. И как-то так получилось, что он перестал

пытаться, а Света смирилась. Даже Лялька, выслушав её сбивчивые претензии на девичнике, отрезала:

– С жиру бесишься! Не пьет, не курит, зарабатывает, в носу при людях не ковыряет – всё. Красота! Будь довольна. Могло быть хуже.

То, что Гольдберг неожиданно перестала бурчать по поводу скороспелого замужества подруги, объяснялось легко: во-первых, Лялька боялась, что её заподозрят в элементарной зависти, а во-вторых, сама задумалась, а так ли правильно быть одной. И по мере размышлений получалось, что не правильно. Особенно когда рядом кто-то вдруг обзаводился мужем. Лялька сперва допытывалась у Светы про любовь, а потом вдруг ушла в себя и начала активно соглашаться с тем, что Светлана всё решила верно. Хотя ничего такого про любовь Света ей прояснить не смогла. Да, что-то такое было, но подобрать к этому чувству характеристики не получалось. Их с Герой любовь была обдуманной, спокойной, взвешенной и сильной. Во всяком случае, периодически Свету так накрывало при виде жениха, что она сама стеснялась своих чувств. Конечно, это была любовь, а что же еще?

И не нужна ей никакая романтика! Лишь бы Гера был рядом.

…Парочка впереди самозабвенно целовалась. Этим двоим было плевать на окружающих.

– Вот дают, это же неприлично, – хмыкнула Света, в душе отчаянно завидуя. Да, неприлично, зато вон как классно.

– Ужас! – внимательно посмотрев на влюбленных, кивнул Гера и притянул Свету к себе. – Совершенно невоспитанные люди! Как так можно?!

Он понимал её с полуслова.

Целоваться они перестали только тогда, когда носатый молодой человек, стоящий позади них, вежливо постучал Гере по плечу:

– Прошу прощения, но вы очередь задерживаете. И да, предвосхищая ваш вопрос – мне завидно. Но я тоже непременно найду, с кем вот так же целоваться. Курортный роман – это воспоминание на всю жизнь. Давайте-давайте, двигайтесь вперёд. Раньше сядем – раньше выйдем.

Раньше выйти не получилось. После прохождения таможни, томления в душном накопителе и, наконец, посадки в самолёт произошла заминка. Сначала пассажиры громогласно и сварливо делили багажные полки, поскольку, как водится, большинство взяло с собой в салон ручную кладь устрашающих размеров, не рискуя расстаться с добром, а оставшаяся часть затарилась в дьюти-фри алкоголем, не доверяя курортному пойлу.

А как же русскому человеку отдыхать-то без выпивки? Это ж не отдых, а пустая трата времени!

После дележки полок началась возня в середине салона, где весьма полная дама на повышенных тонах бодалась со своим худосочным соседом. Тот брызгал слюной и требовал пересадить на «нормальное место», потому что «эта» занимала не только свое кресло, но и половину его.

Решил конфликт задремавший супруг оскорблённой пассажирки. От воплей и периодических тычков жены, требовавшей его участия, слегка подвыпивший мужик проснулся. Его багрово-красная рожа на короткой мощной шее внезапно нарисовалась над успокоившимися рядами пассажиров.

– Я вот щас выйду, – пригрозил он, пытаясь протиснуться между сиденьями, – и уконтрапуплю твое седало так, что тебе полкресла в самый раз будет.

Спасло скандального юношу только то, что мужик был гораздо крупнее жены, плюс в процессе приема горячительных напитков слегка растерял координацию, поэтому вылезти

и дотянуться до соперника у него никак не получалось. Стюардессы суетливо бегали, умоляя на ломаном английском, которого никто из спорщиков не понимал, подождать. Наконец худенький парень ретировался на найденное в конце салона место. И тут выяснилось, что одного пассажира не хватает.

Когда уставшему от ожидания народу озвучили причину задержки, российские граждане озверели и начали наперебой предлагать лететь без опоздавшего, костеря его на чём свет стоит. Что не удивительно, поскольку перелёт был ночной, в аэропорту прибытия самолёт должен был приземлиться рано утром, и все были порядком раздражены. Особенно надрывались умеренно нетрезвые чернявый крепыш с внешностью то ли уроженца Кавказа, то ли выходца с берегов Мёртвого моря и вертлявый паренёк в круглых очках и с лицом пай-мальчика. Состязаясь друг с другом в остроумии и попутно заигрывая с барышнями, они даже предложили провести голосование, не сомневаясь, что большинством голосов будет решено лететь без отсутствующего отпускника. И народ даже начал бы голосовать, если бы очкарик вдруг, побледнев, не завопил на весь салон:

– А где Борюсик?! Блин, Женя, мы его в баре забыли! Я ж говорил, не давай ему спать! Граждане, сохраняйте спокойствие! Лететь нельзя, человек за бортом!

Кто-то начал веселиться, кто-то ругать алкашей и правительство, а очкарик с крепышом бросились к выходу. Стюардессы, привыкшие к буйным русским туристам, реагировали на происходящее довольно спокойно, тем более что через пару минут дюжие парни водворили буянов в салон, а ещё через пять минут на борт доставили вышеупомянутого Борюсика. Им оказался тот самый чернявый носач, который ещё в очереди на таможню честно признался Свете с Герой в том, что завидует, и пообещал сам себе незабываемый отдых.

– Спокойно, товарищи! – заплетающимся языком оповестил гневно загудевших туристов Борюсик. – Я боюсь летать, мне нужно было собраться с мыслями!

– Да посадите его, наконец, – истерически закричала какая-то женщина с передних рядов. – Давайте уже полетим!

Стюардессы переглянулись. Для опоздавшего осталось лишь одно место, вернее, даже половина места – рядом с полной пассажиркой. Дама, насупившись, уставилась на приближающегося отпускника, готовая отразить очередную атаку.

– Боже, какая наяда, – простонал Борюсик. – Знойная женщина – мечта поэта! Неужели я полечу рядом с вами? Вот это я понимаю – настоящий отпуск! А можно я про вас напишу?

– Куда? – подозрительно прищурилась тетка, пытаясь понять, издеваются над ней или наоборот.

– Не куда, а где, – важно сообщил Борюсик. – Я писатель, книги пишу. Хотите стать моей музой?

Ответить дама не успела, так как проснулся её супруг.

– Я! – проревел он. – Я стану твоей музой, если ты сию минуту не заткнёшься!

Писатель тут же покорно захлопнул рот и уселся в своё кресло. Все последующие четыре часа полета дородная соседка косила на него игривым глазом и томно вздыхала, а будущий букеровский лауреат пугливо улыбался и отводил взгляд.

Аэропорт встретил вновь прибывших удушливой жарой и пустыми залами. Света крутила головой, стараясь ничего не упустить и запомнить каждую мелочь. Ей даже спать не хотелось. Гера тоже выглядел бодряком. Он начал щёлкать на телефон все подряд, едва самолёт приземлился. Светлана даже пожалела, что не взяла фотоаппарат, а в её стареньком телефоне фотографии получались убогими. Молодой муж был категорически против фотоаппарата.

– Сопрут в первый же день, – безапелляционно заявил он.

Поэтому теперь, когда Гера с упоением фотографировал, Света, как летописец древних времен, ограничивалась тем, что запоминала подробности.

Отпуск обещал пройти замечательно, тем более что посменно вопившие весь полёт дети уехали на другом автобусе в совершенно другие отели, а компанию молодожёнам составил невзрачный рыжий крепыш и троица маявшихся похмельем мужиков под предводительством писателя Борюсика.

– Борис! – галантно полез он знакомиться, едва все расселись в мини-вэне. – Бажов. Писатель, гуру криминального жанра, лауреат премии имени Родиона Раскольникова, призёр фестиваля «Рускримстори 2010», вошёл в лонг-лист конкурса «Кровавая Мэри 2011», модератор виртуальной писательской гостиной, бета-ридер, консультант и вообще очень разносторонний мужчина в полном расцвете сил.

Перечисляя свои регалии и звания, «гуру криминалистики» смотрел на Светлану влажными преданными глазами и норовил схватить за руку.

– Гера, можно Гоша, муж этой красавицы, за которую вы все время пытаетесь подержаться, – определил границы дозволенного Гера.

Бажов тут же сник и уже менее ажиоти рованно продолжил, кинув в сторону попутчиков:

– Это мои друзья – Женя и Дима.

Друзья писателя, обнаружив, что гид у них мужик, а единственная присутствующая в машине девушка путешествует с мужем, моментально вырубились, унавоживая салон молодецким храпом в комплекте с парами свежего алкоголя. Каждый нежно прижимал к груди пакет с булькающим и позвякивающим содержимым.

– Тоже боятся летать, – пояснил Боря, проследив осуждающий Светланин взгляд. – Они на авиационном заводе работают, слишком много знают про самолёты.

– Звучит вдохновляюще, – фыркнул Гера. – Особенно учитывая тот прискорбный факт, что нам ещё обратно лететь.

– А вы знаете, я бы предпочёл разбиться на самолете, погибнув красиво, чем тихо и скучно умирать от старости, – мечтательно протянул писатель.

Света от неожиданности подавилась леденцом и закашлялась, а очкарик, не открывая глаз и вообще не шевелясь, голосом лектора сообщил:

– Красиво не получится. Для этого есть множество причин. Во-первых…

– Не надо! – взвизгнул Бажов. – Спи!

Судя по воцарившейся тишине, друг указание выполнил.

– А мы лучше от старости умрём. Будем жить долго и счастливо, а окочуримся в один день, – поддержал тему Гера. Судя по тону, он решил поиздеваться над впечатлительным попутчиком. Света уже научилась улавливать его малейшие интонации, движение бровей, хитринку в глазах, даже по позе она уже легко могла определить, когда муж серьёзен, а когда прикалывается.

– Мужчина должен сначала построить дом, посадить дерево, родить ребёнка, а уж потом окочуриваться, – назидательным тоном проинформировал его Боря.

– Успеется, – пожал плечами Гера. – Мы никуда не торопимся.

А на ухо Свете добавил:

– Если он изрекает такие банальности, то хреновый твой Боря писатель.

– Почему «мой»? – опешила Светлана.

– Потому что ты пожираешь его глазами, как председатель колхоза – Анну Семенович, случайно подмахнувшую договор на выступление в сельском клубе. Можно подумать, нас почтил присутствием живой классик, – непривычно желчно процедил супруг. – Выскочка какая-то, прыщ на ровном месте.

– Гера, ты что такое говоришь? – охнула Светлана. Вот вам – здрасьте, первая сцена ревности. Хотя ещё неизвестно, как бы вела себя сама Света, окажись с ними в микроавтобусе эта самая Анна Семенович. – И вообще, почему прыщ? Он, вон, лауреат всяких премий, финалист, призёр – уважаемый человек. Чего ты разорался?

– А что ты его защищаешь? Подумаешь – книжки он пишет! Да кому они нужны, его книжки! Тоже мне – Бажов! Ты хоть раз в жизни его фамилию слышала? Книжки его в магазине видела? Графоман недоделанный.

– Предположим, фамилия у него писательская, – хихикнула Света. Её стало забавлять, что Гера, оказывается, может ревновать. Это было так приятно, что хотелось его чмокнуть в нос. Но и позлить чуть-чуть тоже хотелось. – Ты что, сказы Бажова не читал – «Малахитовую шкатулку» или «Каменный цветок»? Вдруг он потомок этого Бажова, а?

– На потомках природа обычно отдыхает, – бросил Гера. – И вот ярчайший пример.

– Не злись, – Света примирительно прижалась к его плечу. Всё же злить мужчину тоже надо в меру. Нужно уметь вовремя остановиться, а то может получиться как в санях, едущих с горы, – ты вроде уже и рад бы остановиться, но у саней своё мнение на этот счёт. И хорошо, если в итоге обойдётся без травм: как моральных, так и физических. – Он же смешной такой, нелепый. Что ты там себе навыдумывал?

– Ничего, – буркнул Гера. – Я спать хочу.

Ну, вот. В этот раз она не рассчитала и остановилась не вовремя. Получается, эти темы в будущем должны стать табу. Мысленно поставив галочку в памяти, Света обвила Герину шею и поцеловала его. Долго обижаться он всё равно не умел, так почему бы самой не сделать первый шаг? Всё получилось как всегда. А одинокий писатель лишь изредка бросал на целующуюся парочку тоскливые взгляды и, мучительно краснея, мечтательно смотрел в окно. Его тоже впереди ждал отпуск, море и красивые девушки.

Забытый всеми рыжий, забившийся в самый конец салона, индифферентно покачивался, заткнув уши наушниками.

Тот, кто впервые попадает на курорты стран «третьего мира», сразу же сталкивается с невообразимым контрастом позитива и негатива. Роскошные, яркие, словно картинки, отели сменяются пустырями, похожими на мусорные свалки. Сверкающие, почти европейские витрины неожиданно вырастающих среди песков магазинов чередуются с немыслимыми хибарами, облепленными местным населением, сидящим на ступенях, стульях и даже просто на земле. Причём сидение выглядит совершенно бесцельным и необъяснимым. Сказочно голубое море вдали, мощные, толстоствольные пальмы, удивительные ржавые, полуразвалившиеся тарантасы, спешащие по гладкому, будто вылизанному асфальту, женщины, замотанные в платки, как в коконы, – Света во все глаза таращилась на диковинные пейзажи и ужасно боялась оказаться в каком-нибудь бараке с удобствами во дворе. Ей мучительно хотелось красивой сказки.

Отель встретил очумевших от усталости путников прохладой мраморного холла и отсутствием номеров.

– Погодить, – широко улыбаясь, сообщил приветливый усач с аккуратным, круглым брюшком, нависающим над ремнём. – Мы рады вам, сидеть здесь и ждать!

– Нормально, – пробормотала Светлана, испуганно покосившись на Геру. Тот флегматично развалился в кресле и прикрыл глаза, навесив на лицо выражение блаженства. Рыжий устроился рядом, а писатель с товарищами начал допытываться у усача, где здесь бар.

– Я всегда знал, что творческая интеллигенция – сплошь алкоголики, – удовлетворённо, не открывая глаз, изрёк Гера.

Света улыбнулась. Он всё ещё ревновал.

– А с чего вы взяли, что это творческая интеллигенция? – повернулся к Гере рыжий. – По-моему, обычный «Тагил», они нам тут ещё устроят. Вот после таких «интеллигентов» про русских и говорят незнамо что.

– Он писатель, – исключительно из чувства противоречия буркнула Светлана. – Известный.

– Ага, широко известный в узких кругах. – Гера аж глаза открыл и сел.

– Ха! – пренебрежительно поморщился рыжий. – Из него писатель, как из меня солист-балалаечник.

– Он в машине рассказывал, – тоскливо напомнила Света, трусливо соображая, как бы свернуть тему. Она уже сама себе надоела с этим Борюсиком – чёрт её дернул заступаться за малознакомого персонажа.

Рыжий фыркнул, смерил Светлану презрительным взглядом и отвернулся. Судя по всему, она его раздражала. Ну, и он её тоже! Вот так! Подумаешь, возомнил тут о себе! А у самого веснушки даже на плечах, и вообще – в майке ходить неприлично, даже если мускулы такие… мммм… выразительные.

– Когда вы злитесь, у вас глаза становятся зелёными, – неожиданно сообщил рыжий.

Это был запрещённый прием, практически удар под дых. Захлебнувшись негодованием, Света затихла, пытаясь осмыслить услышанное. Тем более что рыжий всё с тем же пренебрежительным выражением лица отвернулся. И как это понимать? Это был комплимент – или ей завуалированно наха мили? И зелёные глаза – это хорошо или нет?

Так или иначе, но собеседник перестал казаться ей таким уж противным. Женщину вообще проще всего «купить» до того, как она вынесла вам какой-нибудь вердикт. Но даже если слегка опоздать с наглой и неприкрытой лестью, всё равно в последний вагон ещё можно успеть.

От нечего делать Светлана принялась разглядывать дефилировавших по холлу туристов.

Если вы хотите вылечить собственный комплекс неполноценности, холл пляжного отеля – самое подходящее место, не считая, конечно, самого пляжа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.